

острияхъ и безднахъ», упрекая автора или восхваляя за присутствіе или отсутствіе того или иного «мистическаго элемента» въ его поэзіи, — Слонимъ и Эйсеръ ограничились тѣмъ, что протестовали противъ такого критическаго метода, но по существу разбираемой книги ничего не сказали. Кельберинъ говорилъ о большомъ (классическомъ) совершенствѣ формы въ стихахъ Г. Иванова. Выступившая затѣмъ Лидія Червинская выразила мнѣніе, что подходя къ поэзіи, нужно говорить не о «безднахъ» и не о формѣ, а о чемъ-то третьемъ, что и составляетъ таинственную суть настоящей поэзіи. Если есть атмосфера, особая, присущая эмиграціи, то Г. Ивановъ является ея выразителемъ. Если-бы въ домѣ случился пожаръ, то среди немногихъ, любимыхъ предметовъ, она постаралась-бы спасти отъ огня и маленькую книгу «Розы». Заключительное слово произнесъ отлично председательствовавшій Браславскій.

За недостаткомъ времени предполагавшійся обмѣнъ мнѣній по поводу книги Бориса Поплавскаго «Флаги» былъ отложенъ до слѣдующаго раза.

Л. I. Петражицкій

Въ Варшавѣ умеръ Петражицкій. Къ признанію его заслугъ передъ русской и европейской наукой теперь, подводя первые итоги, справедливо прибавить нѣчто болѣе исключительное — признаніе, что онъ былъ творцомъ своего особаго міроощущенія. Есть много выдающихся дѣятелей науки, которымъ этого не дано. Дѣло не въ томъ, что Петражицкимъ прекрасно «поставлена» философія права, дѣло въ томъ, что специальную область юридическихъ на-

укъ онъ сумѣлъ связать съ душой человѣка, съ его психической жизнью. Теорія Петражицкаго не могла имѣть значенія марксизма и тѣмъ менѣе — религиозныхъ доктринъ. Но между тѣмъ и другимъ рѣшеніемъ, между марксизмомъ, все ведущимъ снизу — отъ вещей и экономическихъ интересовъ, и религиозными ученіями, все ведущими сверху — отъ Бога, — Петражицкій помѣстилъ человѣка. Онъ изучалъ не право, а чувство права. И чувство это, какъ и другія переживанія человѣка, Петражицкій естественно искалъ въ психической жизни людей. Отсюда его интереснѣйшія догадки и мысли о голосахъ самаго далекаго прошлаго, живущихъ въ нашей душѣ, отсюда его психологическія теоріи, во многомъ превосхитившія фрейдизмъ.

Ученики Петражицкаго вспоминаютъ его, какъ одно изъ очень значительныхъ впечатлѣній своей жизни.

Ник. О.

Петръ Пильскій

Изъ тридцатилѣтняго литературной дѣятельности

«... дома были рядомъ. На Мѣщанской, 23 жилъ я, а въ № 25 помѣщалась редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей»... «Биржевыя Вѣдомости» охотно открыли мнѣ свои столбцы, и я сталъ писать злободневные фельетоны. Я дѣлалъ это, скрѣпя сердце. Хотѣлось другого. Я влекся къ критикѣ и беллетристикѣ... (П. Пильскій, «Затуманившійся міръ», стр. 221).

Многообразіе вкусовъ и работы («писалъ злободневные фельетоны, влекся къ критикѣ и беллетристикѣ»), кото-